

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
УНИВЕРСИТЕТ
КЛАССНЫХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Взаимоотношения

Л. Филякина

«Самостояние — дело нешуточное»

123 – 128

События

А. Гисич

Конец учебного года:
как организовать праздник?

129 – 134

Проблемы

В. Слуцкий

Конфликт класса с учителем-
предметником

135 – 138

В. Луховицкий, С. Дьячкова

Конфликтные ситуации на уроке,
связанные с учебным материалом

139 – 142

Взаимоотношения

«САМОСТОЯНИЕ —
ДЕЛО НЕШУТОЧНОЕ»

Л. ФИЛЯКИНА

Отношения учителя с администрацией зависят от многого. Прежде всего, на них влияют взаимные симпатии и антипатии. Во-вторых, важна также заинтересованность директора в конкретном учителе. Ну и, в-третьих, эти отношения во многом определяет позиция самого учителя.

Хуже всего быть с директором в конфронтации. Хотя и директора бывают очень разные. Правда, на повышение чаще всего идут не самые лучшие учителя и далеко не самые лучшие люди. Поэтому отношения могут складываться по-разному. Но мне повезло.

По-отечески

Первым директором, к которому я попала, был Константин Михайлович Хелем. Это был удивительный человек, умнейший, по образованию — историк. И когда он пришёл в вечернюю школу, там были самые разные ученики, самые разные учителя — и молодые, и опытные, и совсем неопытные, и умеющие всё, и не умеющие ничего. С каждым из учителей он искал пути совме-

ния — не только с собой, но и с учениками. Ведь ученики были выкидыши из обычной школы. Их всеми силами пытались после восьмого класса выпроводить. Ну они и отправлялись либо в ПТУ, либо в вечернюю школу.

Хелем ко всем отыскивал свой подход. Я тогда была совсем юным учителем. Шёл второй год моей работы. И вот как-то раз Константин Михайлович подходит ко мне и говорит:

— Лидочка (нас, молодёжь, он называл Лидочками, Олечками и т.д.), я приду к вам на урок.

У меня сердце так и ёкнуло. А он:

— Да вы не волнуйтесь, я приду на месяц.

Тут уже я не знаю, ёкнуло сердце или совсем упало. Он понял, что я смутилась, и говорит:

— Вы не волнуйтесь, я в физике ничего не понимаю, я историк. Я просто посижу.

Вот с этого момента и началась наша дружба.

Он действительно сидел на всех моих уроках в течение месяца и делал на редкость точные замечания. Буквально на третьем уроке я перестала его бояться. Напротив, мне его замечания были очень полезны и очень интересны.

Ещё один момент, который молодому учителю всегда трудно даётся, — это заполнение журналов. Мы всё время о них забывали. А он в таких случаях говорил: «Лидочка, зайдите, пожалуйста, в мой кабинет. Вы простите меня, я вас запру с той стороны. А журнальчики вон на столе. Будьте добры, заполните». Вот такое очень бережное и в то же время отеческое отношение.

Мы с Хелемом долгое время работали вместе. И потом всю жизнь продолжали общаться. Где бы он ни работал, он всё время меня куда-то тянул. Я понимала, что могу быть хорошим администратором. Но лучше я буду средним учителем, чем хорошим администратором. Живое общение с детьми меня интересовало гораздо больше.

И есть второй аспект: кем бы я ни была — а я была и методистом, и завучем, — это были вынужденные моменты. Я не рвалась туда. И опять же Константин Михайлович мне говорил: «Я не могу учить людей, которые не хотят учиться. Они уже всё знают сами, и поэтому убеждать их сделать в работе вот такой поворот бессмысленно».

Однажды, будучи методистом, я пришла на экзамен. И это оказался экзамен по моему предмету — физике. Вдруг я увидела, как учитель при мне начинает заваливать учеников. Так как я всё-таки в первую очередь учитель, а не методист, то я ему сказала: «Простите, вести экзамен буду я». И стала помогать каждому ребёнку найти себя и ответить на все вопросы.

Вскоре этого физика сняли, и я взяла его класс на следующий год. Раз уж я хоть и косвенно повлияла на то, что сняли учителя, я должна была его класс выровнять и довести до конца.

Ученик во главу угла

Мне повезло с первым директором и повезло с директорами в последние годы моей работы. Это были Александр Наумович Тубельский и Александр Аронович Рывкин. Удивительные тоже директора!

К сожалению, Александр Наумович рано умер. Но он сделал удивительную школу (НПО «Школа самоопределения». — *Прим. ред.*), где во главу угла был поставлен ученик. И ученик имел права, которых у него не могло быть ни в одной школе, — здесь он был наравне с учителем. Поясню, что я имею в виду.

В школе Тубельского был (не знаю, есть ли сейчас) суд чести. Туда могли прийти ученик, учитель, нянечка, родитель — кто угодно. Суд чести был равным для всех. Все отношения выяснялись не в коридоре, а на суде. Судей выбирала вся школа — из числа тех учителей и учеников, кто заслужил доверие. Судьи разбирали состояние данного конфликта и старались найти выход — примирить стороны и как-то всё уладить.

В школе Тубельского были созданы такие условия, при которых каждый человек выживал. Я могу назвать множество ребят, которых я приводила туда из других школ. У них у всех были очень трудные судьбы. И никого не отверг Александр Наумович Тубельский.

Одного мальчика я встретила в таком состоянии, что у него при слове «школа» (он только что закончил началку) отнимались руки и ноги. Он просто столбел и говорил: «Я никогда там ничего не пойму».

Я взяла его за руку, и мы вместе с мамой привели его в школу Тубельского. И я каждый день после уроков приходила к этому мальчику и говорила: «Давай-ка посмотрим вот эти примерчики. Те, которые ты знаешь, ты сам и запишешь. А остальные мы с тобой вместе сделаем».

Прошло три недели. Мы, как обычно, сидим, занимаемся. Вдруг в какой-то момент он берёт меня за руку, снимает её с учебника и говорит: «А вот это я делаю сам». И я была счастлива!

Примерно в это же время он подходит ко мне и говорит:

— А у меня теперь есть друг в школе.

— Ой, а расскажи, с кем ты подружился?

— Мой друг — Александр Наумович Тубельский.

Правда, это удивительно?..

А вот Ваня Серёжкин, мальчик из математической школы. Гениальный, но слабоуправляемый ребёнок. Математическая школа после первого класса определила его в психушку. А мама взяла и привела его за руку в школу Тубельского. И его направили в мой класс.

Ваню нельзя было сразу сажать в класс за парту, потому что класс для него был полем сражения. И Александр Наумович разрешил мне, чтобы Ваня, ученик второго класса, ходил в пятый(!), — там продлёнку вёл замечательный человек, биолог, чьей интуиции я доверяла. А ко мне в класс Ваня приходил только на два урока.

Александр Аронович Рывкин — это человек 90-х годов, который сделал школу, удивительную в своём многообразии (ОЦ «Измайлово» №1811. — *Прим. ред.*). У него в школе и туристский клуб, и английский клуб, и французский клуб, и музыкальная студия, и балет, и различные физкультурные секции. И, конечно же, театр. Ребёнок мог не бегать туда-сюда по всей Москве, а найти себе занятия по душе прямо в школе.

Александр Аронович мне интересен тем, что если его увлекала какая-то идея, то он находил и время, и возможность, чтобы её осуществить.

Особенно я благодарна ему за начальную школу. Здесь, как нигде, нужны интересные идеи и высокообразованные люди, умеющие и любящие занимать-

ся с детьми. Александр Аронович рискнул открыть семейную школу. Рискнул взять в один первый класс сразу двух новых учителей. Рискнул дать учителю начальной школы возможность перейти со своим классом в среднюю. А все эти шаги по тем временам (да и по нынешним) требовали от него определённого мужества.

Вот и получается, что хороший директор должен быть готов к неожиданным решениям.

Негативный опыт

Удивительный и интересный для меня опыт — встреча с психологом Евгением Евгеньевичем Шулешко и Александрой Петровной Ершовой, педагогом, продолжателем дела своего отца, театрального педагога Петра Михайловича Ершова. Это произошло, когда я работала в 91-й школе. Мне захотелось повторить такой опыт в обычной школе. Поэтому в августе я просто пошла в первую попавшуюся школу. И тамошняя директриса оказалась очень жёсткой.

В первые же дни я обнаружила, что директор, которая сама была выходцем из начального образования, предъявляет очень жёсткие требования к учителям и ученикам — даже младшеклассникам.

Ну, скажем, такая подробность: на переменах дети должны были ходить по коридору кругом. Такая вот странная традиция. Представьте картину: учитель стоит посреди коридора, а дети ходят вокруг него в затылок друг другу. Прямо тюремный двор.

Мне надо было соблюсти правила школы, но прежде всего — интересы детей. Поэтому мы с ними водили хороводы. Хороводы — ведь это тоже по кругу. И ко мне невозможно было придаться: я соблюдала традицию, но в то же время дети на перемене играли, а не маршировали.

Уже 4 сентября директор пришла на мой урок и увидела, что у меня нет той дисциплины, которая, по её мнению, должна быть в начальной школе. К тому же мои дети не сидели так, как нужно...

И вот посреди урока директор вдруг присылает мне записку. В записке написано: «Вы должны выяснить, знают ли ученики буквы, слоги, слова, предложения». «Так, — думаю, — слова они знают, и директриса это видит — они же что-то говорят. А всё остальное нам ещё предстоит выучить. Я вообще-то в первом классе стою только четвёртый день!»

И тут я делаю большую ошибку — с точки зрения отношений с начальством. Прочитав записку, я сворачиваю её, кладу на стол и продолжаю урок...

Зайдя в конце учебного дня в кабинет директора, я словно увидела милиционера, вытянувшегося в струнку и пронзительно сверлящего меня взглядом.

— С таким учителем я рискую выложить партбилет на стол!

— Думаю, партбилет останется при вас.

— Но в соседнем классе ученики первого класса знают буквы, слоги, слова и предложения и умеют развёрнуто говорить!

— Как? Выходит, что они уже всю программу первого класса выучили? А мне ещё есть, что с ними изучать, — впереди учебный год.

Меня тогда спасло то, что она спохватилась: я, оказывается, не учитель начальных классов, а пришла из средней школы!

Я, правда, сразу нашла выход из ситуации — послушно отправилась учиться в институт усовершенствования учителей на педагога начальных классов (хотя до этого я практически два года проработала таким учителем в экспериментальной арбатской школе № 91).

А дальше выходы из положения мне приходилось искать уже всё время. С точки зрения директрисы, что бы я ни делала, было не так, не туда, не в струю. Ну, например, она мне как-то походя сказала: «Ваши ученики даже не знают директора в лицо». Тогда я их научила. И когда мои дети встречали её где бы то ни было, они очень громко и чётко хором кричали: «Здравствуйте, Екатерина Александровна!!!» Трудно сказать, была ли она этим довольна.

Но главное, я всё-таки нашла защиту. Меня взяла под свой эксперимент Александра Петровна Ершова. Эксперимент назывался «Театральные методы в педагогике». Вообще для меня самым важным было организовать жизнь детей, а не только их учёбу. И когда на открытом уроке математики я играла на пианино и мы пели правила в сочинённых рифмованных строках, а директриса меня спрашивала: «Что это?» — я отвечала: «Это из театральной педагогики». А когда мои дети сидели, положив голову на парту (щёчку под локоток), то это была «поза слушания из театральной педагогики». И так далее: «поза пишущего», «тонусы», театральные упражнения...

В общем, как могла, отбояривалась экспериментом и мудрёными якобы научными словами.

Потом я пошла с моим классом в среднюю школу — как учитель математики и физики. И тут случилось самое неожиданное для меня.

В начальной школе классы проверяли педагоги среднего звена. И в течение трёх лет обучения мои дети оказывались где-то в середине — не плохие и не отличные, просто хорошие. Меня это устраивало, потому что не вызывало ни у кого ни зависти, ни ревности. А тут, в среднем звене, мои дети оказались лучшими!

Для меня это имело катастрофические последствия — больше мне первый класс в этой школе не дали. Слишком уж результаты моих ребят ударили по самолюбию директора. Ведь в её глазах я была учителем, который не работает, а невесть что вытворяет на уроке. Учителем, у которого — о, ужас! — дети во время урока свободно разгуливают по классу!

Так что и такой вроде бы негативный опыт есть. Но он меня закалял. Опыт самостояния (не противостояния!) вообще даётся хоть и трудно, но с пользой.

А в заключение: откуда у меня это слово — «самостояние».

Самостояние

Самостоятельная работа. Мы с ребятами долго выясняли, что это такое. И поняли, что это — когда я «сам стою».

В моём классе слово «помогать» было очень важным. И поэтому человек, который нуждается в помощи, совершенно спокойно мог её попросить — либо вслух, либо подойдя к другому человеку. На моих уроках это было нормально.

Так вот, как-то во время самостоятельной работы у Костика что-то не заладилось, и по его позе это было видно. И тут Настя, которая свою работу уже закончила, подошла к нему (это опять же было в норме вещей — увидев человека

в нерешительности, подойти и спросить у него, не нужна ли помощь). Вот она подошла и тихонечко спросила:

— Тебе помочь?

И Костик, рыдая, ей ответил:

— Я не могу принять твою помощь, я САМ здесь СТОЮ, понимаешь?

Вот оно — самостояние! Дело нешуточное.

В тот раз я вышла из положения так. Подошла и совсем тихонько говорю:

— Костик, я знаю, что у тебя самостоятельная работа, и не буду тебе подсказывать. Я знаю, что ты этот материал понял хорошо. Ты просто подзабыл, а я напому. Может быть, ты всё-таки примешь мою помощь? Я только намекну...

И он мне позволил. И у него всё получилось. И он спокойно закончил свою работу.

! ВНИМАНИЕ

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ «ЖУРНАЛА В ЖУРНАЛЕ»

- Классный руководитель в роли конфликтолога
- День знаний: а можно по-другому?
- День учителя в школе Щетинина
- Тема насилия в образовании
- Ученическое сквернословие: экстренные меры и профилактика
- Подростковое курение: что делать?
- Школьная оценка: инструкция по технике безопасности
- Анкетирование школьников: мнение родителей и психологов
- Проблемы дежурства
- Юридические консультации для школьников и учителей

[105 – 121]
Сценарии
и алгоритмы

128 ▶